

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ЛЕКСИКИ: КАК ЭФФЕКТИВНО ПОМОЧЬ ИНТУИЦИИ?

Согласно семантике «точек зрения» семантическое описание лексем любого языка включает ограничения на те точки зрения, которые приходится принимать (пусть временно) при употреблении этих слов в речи для того, чтобы высказывание могло быть понятым. Данные – топические – ограничения отражают такие явления в области значений слов, которые не были систематически отображены в словарях, и осуществляют связь между семантическими, культурными и идеологическими явлениями. Семантика «точек зрения» предлагает способы эмпирического тестирования предложенных описаний этих ограничений в виде семантических тестов. В статье уточняется принцип и функционирование этих тестов, предложены иллюстрирующие примеры. До настоящего времени гипотезы лексического описания топических ограничений опирались на интуицию исследователей, что не позволяло проводить систематического описания лексики. Ассоциативный словарь французского языка (ФАС) позволяет восполнить этот пробел, предлагая лексикографам информацию о том, какие «точки зрения» могут ассоциироваться со словами-стимулами. В статье предложена система применения ФАС для порождения гипотез топического описания, уточняются и проверяются гипотезы, на которые опирается система, подробно излагаются этапы составления описания. Предлагается обрабатывать информацию, содержащуюся в ФАС, освобождаясь от единичных не-типичных ответов, для получения отражающих языковую реальность связей между словами.

Ключевые слова: лексическая семантика, точка зрения, эмпирическое описание, эксперимент, семантические тесты, порождение описательных гипотез.

1. Предварительные примечания: терминология и методология

Большинство вопросов, которые задают себе лингвисты – и, стало быть, лингвистика, – проясняются, только если понимать, что для того, чтобы размышлять над явлениями, связанными с языком и речью, необходимо строго разграничить нематериальные языковые единицы и воспринимаемый (материальный, видимый или слышимый) продукт их производства.

Таким образом, мы строго разграничим языковые единицы (*слова языка* – *mots-de-langue*, синтагмы, предложения и др.) и речевые единицы (*слова речи* – *mots-de-discours*, словосочетания, высказывания

и др.), учитывая, что высказывание полностью охарактеризовано предложением и ситуацией, что можно записать следующим образом: $E = \langle P, S \rangle$, где буквами E, P и S обозначены соответственно высказывание (*énoncé*), предложение (*phrase*) и ситуация (*situation*), а знак равенства используется в математическом смысле, т. е. обозначает концептуальное тождество, а не онтологическую идентичность.

1.1. *Смысл и значение.* Высказывания производятся *говорящими* и могут быть поняты теми, кто их воспринимает, – назовем их «адресатами» или «собеседниками»¹. Следуя определенной лингвистической традиции, восходящей к трудам Жоржа Мунэна и Освальда Дюкро, мы назовем «смыслом

---

¹ Даже в тех случаях, когда данное высказывание предназначалось не им: любой человек, владеющий определенным языком, может (более или менее правильно) понять высказывание на данном языке, а интенция автора, в том числе его намерение адресовать это высказывание определенному лицу, эмпирически не наблюдаема.

высказывания в определенной ситуации» *результат когнитивного построения, произведенного в ходе понимания высказывания.*

Поскольку, как мы видели, высказывание определяется предложением (или, в общем виде, языковой единицей) и ситуацией, смысл, построенный адресатом для данного высказывания, зависит, с одной стороны, от влияния реализованного предложения (языковой единицей) и, с другой, – от влияния ситуации (такой, как он ее воспринимает).

С учетом этого двойного влияния мы скажем, что *семантика* есть *научное и эмпирическое изучение тех ограничений, которые языковые единицы накладывают на построение смысла высказываний, в которых они проявляются.* Совокупность ограничений, налагаемых языковой единицей на построение смысла, составляет то, что (в упомянутой выше терминосистеме) мы называем *значением.*

Таким образом, наблюдаемой (нашими органами чувств) единицей является *дискурс*, состоящий из *высказываний*, построенных из *слов речи.* Для адресата в некоторой ситуации эти слова обладают смыслом, определяемым той ролью, которую он играет в построении смысла всего высказывания. Что касается языковых, абстрактных, ненаблюдаемых (недоступных нашим органам чувств) единиц, мы располагаем *предложениями, синтагмами и языковыми словами,* у которых есть *значение* – совокупность ограничений, налагаемых ими на построение *смысла* высказываний. Так, например, *значение слова языка* указывает на независимые от ситуаций ограничения, налагаемые на построение смысла многочисленных возможных реализаций предложений, содержащих это *слово языка.*

Что касается самого *смысла,* он не доступен нашим органам чувств. Говорящий имеет доступ к смыслу, который он сам построил, но никакой посторонний наблюдатель этого делать не может: *смысл частный.* К счастью, если мы не можем непосредственно наблюдать за смыслом, мы можем прибегать к опосредованному наблюдению. За смыслом можно наблюдать только через его влияние на поведение. Данная особенность имеет важное методологическое следствие. Любая семантика, построенная на эмпирическом наблюдении, опирается на следующий постулат: существует причин-

но-следственное отношение между наблюдаемым поведением и наблюдаемым высказыванием².

Из сказанного вытекает, что описание, даже мотивированное, *смысла слов речи* (или словосочетаний) в высказывании не является ни наблюдаемым фактом, ни описанием *значения* соответствующего *слова языка* (или синтагмы). Тем не менее описание *значения слова языка* должно учитывать различные *смыслы* соответствующих *слов речи* – лингвисту надлежит подтвердить этот смысл на основе эмпирических наблюдений.

Данные уточнения позволяют строить семантическое описание языков, отвечающее следующим критериям:

- не зависит от высказываний или дискурса, поскольку состоит из ограничений, наложенных языками;
- зависит от языков: указанные ограничения не могут быть одинаковыми в разных языках;
- основано на эмпирических данных, поскольку опирается на наблюдения за высказываниями и дискурсом.

1.2. *Понятие ситуации.* Читатель наверняка заметил ведущую роль понятия «ситуация» в предыдущих рассуждениях, составляющих основу принятого нами эмпирического и научного метода. Однако пока это понятие не было в достаточной мере определено. Ниже мы восполним этот пробел, однако лишь отчасти, потому что вопрос очень сложен и в рамках данной работы мы сможем только обрисовать его и указать направления его исследования.

1.2.1. *Порождение высказывания, интерпретация, референция.* Для иллюстрации нашего подхода к понятию ситуации, рассмотрим следующий случай: *исследователь двадцать первого века изучает текст, написанный неким автором в семнадцатом веке о событии, имевшем место в средневековье.*

Автору исследуемого текста нужно было тщательно разделять ситуацию, описываемую в тексте, ее социальную обусловленность, связанные с нею верования и знания, от той ситуации, в которой он сам пишет, иначе он допустил бы досадные анахронизмы. В то же время, если читатель двадцать

² Изложение основных ограничений на эти причинные связи см., например, в работе [Rasch, 2002].

первого века не учитывает разницу между своим мировоззрением и тем, которое он приписывает автору текста, он, конечно же, что-то поймет, но, наверно, не то, что хотел сказать автор.

В данном примере видно, как по отношению ко времени необходимо учитывать три типа ситуаций: ситуация-референт (о которой говорится), ситуация порождения высказывания и ситуация интерпретации. Часто практикуемое сведение этих трех понятий к одному (что мы и сделали в предыдущем параграфе) позволяет в первом приближении упростить понятие высказывания, допуская, что то, о чем мы говорим, в равной мере и в одинаковой форме доступно говорящему и слушающему. Видно, как такое упрощение может привести к ошибкам в описании семантических объектов, что, в свою очередь, делает бесполезными средства описания, предложенные в рамках нашей теории.

Поскольку цель данной работы ограничивается изложением и оправданием одного способа использования ассоциативного словаря для выработки гипотез семантического описания лексем, мы укажем лишь на необходимость различить типы ситуаций, даже если в этой работе мы не будем систематически этого придерживаться.

1.2.2. *Встречающаяся ситуация и типовая ситуация.* Каждая последовательность звуков, производимая любым говорящим, есть событие. Когда эти последовательности звуков состоят из единиц одного языка, это событие становится порождением высказывания (*énonciation*). Данное, уникальное, историческое, неповторимое событие имеет место в определенном месте, в определенное время, с определенными действующими лицами, в временном и пространственном окружении других таких же, настолько же определенных, событий – все это задает встречаемость данной ситуации. Последовательность звуков, произведенную в определенной встречающейся ситуации, назовем *встречающимся высказыванием* (*occurrence d'énoncé, énoncé-occurrence*). У встречающихся высказываний есть огромное преимущество – они материальны и наблюдаемы, зато их главный недостаток для лингвиста в том, что они не являются объектами лингвистического метадискурса. Дело в том, что для построения смысла некоего высказывания адресат опирается не на

физическую реакцию на материальные элементы встречающейся ситуации: для того чтобы понять высказывание, адресат должен перебирать материальные элементы и оставить только то, что релевантно. Для описания ситуации высказывания лингвист не станет описывать состояние мироздания на момент высказывания (что было бы невозможным), а сохранит только релевантные характеристики этого состояния.

Это значит, что как адресат, так и лингвист типизирует встречающиеся ситуации – первые, чтобы понять высказывания, вторые – чтобы о них говорить – согласно имплицитным, но необходимым для языковой деятельности критериям. Результат подобной типизации встречающихся ситуаций называют *типовой ситуацией* (*situation-type*). Назовем «типовым высказыванием» такое, которое соответствует описанию <предложение, типовая ситуация>. Поскольку типовые ситуации и типовые высказывания – единственные, о которых можно говорить, принято упрощать терминологию и говорить просто о «ситуации» или «высказывании», не уточняя, что они типовые. Тем не менее нельзя забывать о том, что единственно наблюдаемыми являются встречающиеся высказывания во встречающихся ситуациях, и завершённая модель описания должна объяснять, согласно каким критериям происходит переход от наблюдаемых фактов к объектам анализа.

В данной же работе мы опять-таки принимаем упрощенную терминологию и допускаем, что критерии типизации неизменны и очевидны, что, естественно, неверно, но является допустимым приближением, если учесть цели статьи³.

1.3. *О наблюдаемом в семантике.* Как мы уже говорили, за смыслом можно наблюдать только опосредованно благодаря тем его эффектам, которые доступны нашим органам чувств. Среди этих эффектов есть один, который нам понадобится, поэтому остановимся на нем подробнее.

Один из аспектов поведения адресата высказывания относится к усилиям, прилага-

³ Уточним, что данное упрощение состоит в допущении, что ситуации воспринимаются одинаково всеми участниками процесса общения. Для того чтобы различать взгляды на ситуацию, нужно как раз прибегать к представленной в этой статье «семантике точек зрения», позволяющей выявлять точки зрения, вызванные словами.

гаемым им для того, чтобы понять высказывание. Разумеется, усилия напрямую не поддаются наблюдению, и чаще всего ничего не дают для его семантического описания, кроме, по меньшей мере, следующих двух случаев:

а) когда адресат сам заявляет о своей неспособности понять высказывание;

б) когда приходится просить адресата, какие гипотезы о ситуации ему пришлось сформулировать, чтобы понять что-нибудь в высказывании.

Подобные индикаторы процесса понимания скудны, но все же могут оказаться очень полезными для подтверждения или опровержения правильности семантического описания. В частности, в тех случаях, когда для построения смысла высказывания адресату приходится выдвигать сложную гипотезу о ситуации, исследователь вынужден думать, что смысл получен не из языковых единиц предложения, а из ситуации, которую пришлось придумать для понимания высказывания. В данной статье перед такими примерами ставится знак вопроса. Он не обозначает, что мы как-то интерпретируем значение высказываний или считаем их недопустимыми либо неправильными. Он значит лишь следующее: для того, чтобы понять помеченное таким знаком высказывание, реализующее предложение, участникам коммуникации пришлось строить определенные гипотезы о ситуации, без которых они не смогли бы понять это высказывание.

2. Семантические структуры, инструкции, точки зрения

Тот факт, что языковая семантика является одновременно строго научной и построенной на наблюдениях дисциплиной, может казаться самоочевидным, но это обстоятельство усложняет жизнь лингвистов, во-первых, по эпистемологическим и методологическим причинам, таким, как, например, упомянутый нами разрыв между явлениями, наблюдаемыми лингвистом, и теми, о которых он говорит. Во-вторых, по причинам, связанным со сложностью систематического описания некоторых фактов. В данной работе мы лишь укажем на некоторые причины первого типа (подробнее об этом см. [Rasch, 2006; 2008]), и подробнее рассмотрим причины второго типа, на осно-

ве которых будет построено дальнейшее рассуждение.

2.1. *Смысл не является научно наблюдаемым явлением.* Как только лингвист, будучи говорящим субъектом, воспринимает высказывание на языке, которым владеет, он тут же, неудержимо и неосознанно (см. [Bruxelles et al., 1992]), строит доступный ему смысл – в точности так же, как это делает любой человек, говорящий на этом языке. Как любой другой говорящий, лингвист может поддасться искушению думать, что он *воспринимает* смысл высказывания одновременно с тем, как воспринимает само высказывание. Это, разумеется, ошибка, которую настолько легко допустить, что ее делают почти все лингвисты, даже очень требовательные к методике сбора данных. Согласно мнению последних следует воспользоваться корпусом данных, собранных с соблюдением строгих правил, который доказывает, что исследуемые формы действительно были засвидетельствованы. Тем не менее в таких корпусах ничто не позволяет судить о том, совпадает ли смысл, приписываемый исследователями, с тем, который построили коммуниканты.

Смысл, построенный каждым участником коммуникации, – личный и недоступный никому, кроме самого говорящего; и поэтому он не может быть предметом эмпирического наблюдения. Но это не препятствует опосредованному наблюдению за тем, как языковые единицы накладывают свои ограничения на построение смысла. Если вернуться к данному выше определению семантики, исследователя интересует не сам смысл, а именно *ограничения*. Они-то как раз являются предметом (опосредованного) наблюдения, иначе нельзя было бы научиться какому-либо языку. Следует подчеркнуть, что любому человеческому существу, даже с ограниченными умственными способностями, удастся за 24–36 месяцев освоить то, что будет его родным языком, опираясь только на высказывания (которые он еще не понимает) и ситуации (которые он воспринимает лишь отчасти, как принято считать). Если лингвистике до сих пор не удалось предложить приемлемую как с научной, так и с эмпирической точки зрения семантику, это явно не потому, что задача слишком сложна (любой человек способен за три года овладеть семантическими структурами языка), а потому, что она идет не

тем путем, опираясь на интуитивные предположения лингвистов о смысле, вместо того, чтобы изучать, на чем зиждется эта интуиция⁴.

И лишь *инструкционные семантики* стремятся избежать указанной ошибки. Семантику называют инструкционной, если предложенное в ее рамках описание значения языковой единицы состоит из перечня инструкций для построения смысла на основе способа представления ситуации. Среди немногочисленных научных школ, отвечающих этому определению, можно упомянуть *теорию высказывательных операций* (А. Кюльоли), *теорию аргументаций в языке* (О. Дюкро) и основанную на последней *семантику точек зрения*, являющуюся теоретической основой представленного в данной работе исследования. В следующем параграфе мы изложим аргументы в пользу этой теоретической схемы и ее отличительные черты. Затем мы покажем, как эта схема позволяет решить некоторые задачи описания лексики, на которые указывают лексикографы, и отметим одно до сих пор лишь отчасти устраненное затруднение. Наконец мы покажем, как ассоциативный словарь позволяет преодолеть указанное затруднение.

2.2. *Когда слова влияют друг на друга.* Для того чтобы проиллюстрировать, с какими затруднениями сталкиваются подходы, четко не различающие смысл и значение, мы оттолкнемся от двух примеров, эффект смысла которых эти подходы не позволяют объяснить. Данные примеры доказывают необходимость включать в семантическое описание ограничения, налагаемые на точки зрения, к которым коммуниканты вынуждены прибегать, чтобы понять, о чем говорится в высказывании.

Рассмотрим следующие предложения:

1) Jean est généreux, il doit avoir beaucoup d'amis (Жан щедр, у него, должно быть, много друзей)⁵;

2) Jean est riche, il doit avoir beaucoup d'amis (Жан богат, у него, должно быть, много друзей).

Мы видим, как отличается эффект, вызванный смыслом высказываний, реализующих эти предложения: большинство высказываний, соответствующих предложению (2), подразумевают такие ситуации, в которых о «друзьях» Жана судят отрицательно, как о нахлебниках или расчетливых людях, тогда как ничего подобного не происходит в (1)⁶.

Подобное наблюдение создает проблему для тех, кто думает, что лексическая семантика должна описывать смысл слов. Ведь для того, чтобы учесть указанное наблюдение, придется приписать существительному *друзья* два совершенно разных смысла, один из которых прямо противоположен тому, что предписывает бытовая интуиция («друзья» = нахлебники).

Можно было бы предложить в первом приближении принять разнообразные и противоречащие интуиции интерпретации: ведь семантические свойства языков не обязательно доступнее интуитивному пониманию, нежели физические свойства материи, о которых известно, что они порою самым возмутительным образом противоречат интуиции. Хотя, помимо изложенных выше методологических причин (согласно которым смысл недоступен эмпирическому наблюдению), подобное решение не подходит еще и потому, что придется приписать каждому слову описываемого языка огромное количество смыслов (столько же, сколько может быть высказываний, содержащих это слово и провоцирующих эффект, не выводимый из прочих смыслов этого слова). К тому же оно не предлагает способов решить, какой смысл актуализован в каждом случае. Так, если бы в нашем примере (игнорируя интуицию) мы решили описать слово *друг* как (i) *человек, с которым связывает чувство привязанности* и как (ii) *нахлебник*, мы не могли бы указать, что в высказываниях типа (1) активирован смысл (i), а в высказываниях типа (2) – смысл (ii). Это

⁴ Пусть читатель, считающий наше мнение слишком строгим, попытается перечислить, какие течения в семантике четко разграничивают смысл высказывания и значение языковых единиц, а затем, среди многих выявленных течений, указать те, которые проводят это разграничение в действительности.

⁵ Здесь и далее рассуждения автора имеют отношение только к лексемам французского языка. Перевод на русский язык не означает, что русская лексема

предполагает такие же пресуппозиции с точки зрения говорящего (*примеч. пер.*).

⁶ Напоминаем, что указанное наблюдение относится только к подающемуся наблюдению *эффекту, произведенному смыслом (effet de sens)*, тогда как сам смысл не наблюдаем.

тем более неудобно, поскольку каждое слово может встречаться в очень большом количестве употреблений, порождающих разнообразные эффекты, оно будет иметь большое количество несовместимых друг с другом смыслов.

Поскольку указанное решение не подходит, можно поддаться искушению прибегнуть ко второму очевидному решению, а именно: выбрать один смысл, названный «базовым», и выводить остальные с помощью логических операций, основанных на знаниях и поверьях об элементах ситуации, которые бытуют в данной культуре⁷. Согласно этому подходу смысл высказываний, соответствующих одинаковым ситуациям, должен бы систематически вызывать одинаковый эффект. Но это не так: и основанный на логических заключениях подход противоречит фактам. Это можно доказать примером, в котором два высказывания, подходящие для одной и той же ситуации, производят разный эффект. Именно это и происходит с примерами (1) и (2), соответствующим ситуации, в которой Жан, имеющий много денег, использует свое добро на пользу тем, с кем общается. Разница между эффектом от (1) и (2) связана не с разницей в ситуации, не с культурными различиями, а только с выбором слов, что и вызвало смысловой эффект. В общем, даже если X1 влечет X2, высказывание X2 может иметь эффект, которого X1 не имеет. Например, во всех ситуациях, в которых верно высказывание

3) *Ce bébé a hérité d'une grosse fortune*
(Этот малыш получил большое наследство);

верно и высказывание

4) *Ce bébé est riche* (Этот малыш богат).

При этом высказывание (4) производит очень странный эффект. Контрастивное исследование показало, что не все «эквиваленты» французской лексики *riche* (богатый) производят этот эффект⁸. Это подтверждает гипотезу, согласно которой эффект вытекает из выводов, основанных на элементах ситуации.

⁷ Так действуют, например, приверженцы «теории релевантности» (*théorie de la pertinence*) [Sperber, Wilson, 1986].

⁸ Подробнее об этом см.: [Racah, 1998b].

Как видно, в (4) и (2) критикуемые выше подходы не могут объяснить, какое влияние слово *riche* (богатый) оказывает на смысл соседствующих с ним слов (*bébé* (малыш) в (4), *amis* (друзья) в (2)), тогда как это влияние становится понятным, как только мы принимаем (см. последующие параграфы) что *riche* активизирует точку зрения 'мощь'. Дело в том, что взаимное влияние одних слов на другие представляет собой универсальное свойство человеческих языков, и семантика как наука сильно теряет, если отказывается от учета этого свойства.

Уже на этом этапе нашего рассуждения читатель, возможно, догадался о мотивах нашего интереса к ассоциативному словарю французского языка (ФАС). Можно предположить, что ассоциации между словами у говорящих имеют какое-то отношение к влиянию одних слов на другие. Мы хотим теперь уточнить природу этого отношения, для этого сначала рассмотрим более подробно природу влияния одних слов на другие, а затем покажем, как ФАС может помочь его систематическому выявлению.

В приведенных выше четырех примерах мы видели, что влияние одного слова на смысл, приписываемый другому, не связано с реальным состоянием окружающей собеседников действительности, поскольку два высказывания, допустимых в одном и том же состоянии окружающей действительности могут вызвать разный эффект. Что меняется в интерпретации слова *друзья* в зависимости от того, употребляется ли оно со словом *щедр* или со словом *богат*? Не то, какими являются знакомые Жана, а то, какое субъективное суждение говорящий в высказывании (2), в отличие от говорящего в высказывании (1), навязывает по поводу знакомых Жана. Таким образом, для того чтобы показать, как одни слова влияют на смысл других слов, нужно учитывать точку зрения, «навязываемую» словами. Семантическое описание слов языка должно включать раздел, уточняющий точку зрения, навязываемую словами, а также то, какие ограничения они накладывают на точку зрения, реализуемую другими, соседствующими, словами. Данный аспект семантического описания мы называем *топичностью* (*topicité*), а с помощью прилагательного *топический* (*topique*) будем описывать то, что относится к точкам зрения.

Именно описание *топичности* языков предлагает *семантика точек зрения* (СТЗ). Поскольку, как мы видели, этот аспект значения не вытекает из прочих референциальных характеристик слова, становится понятно значение СТЗ для языковой семантики в целом. Далее мы приведем еще несколько причин, по которым следует уделять большое внимание топичности в семантическом описании⁹.

3. Семантика и идеология: лексикографические проблемы систематического описания точки зрения

Описание роли слов языка в производстве референциального эффекта высказываний не позволяет показать взаимное семантическое влияние *слов речи*, поскольку оно вытекает скорее из точек зрения, которые эти высказывания предлагают или навязывают. Добавим, что приписывание точки зрения слову кардинально отличается от приписывания свойства тому, к чему это слово отсылает. Так, описать точку зрения 'мощь' в слове *riche* и считать всех богатых людей, наделенными властью¹⁰, – не одно и то же. Важно учитывать эту разницу в определении теоретических и функциональных характеристик семантики точек зрения, а также роли топичности на стыке семантики, лексикологии и прочих наук, имеющих отношение к человеку, к когниции или к обществу.

3.1. *Цепочки точек зрения и «эйфоричность»*. Следующий пример поможет уточнить существенную деталь. Рассмотрим слово *maison* (дом). Если мы предложим описание, в котором подчеркивается, что оно вводит точку зрения «приятности» (*agr abilit *), скорее всего нам возразят, что

⁹ Мы не станем здесь доказывать положение, в котором нет необходимости в данной работе (хотя логический ход статьи к нему и ведет): если ограничения, налагаемые на точки зрения, не вытекают из референциальных аспектов значения, они, в свою очередь, могут оказаться лишь следствием применения ограничений, налагаемых на точки зрения. Семантика формальных языков окажется в таком случае лишь частным случаем семантики человеческих языков, а не наоборот. Об этом подробнее см.: [Bruxelles et al., 1987; Rassa, 1998a].

¹⁰ Французское слово *pouvoir* переводится на русский и как 'мощь', и как 'власть', и глаголом *мочь* (*примеч. пер.*).

«далеко не все дома приятны». Несмотря на то, что не все дома приятны, – правда, слово *maison* вводит точку зрения *приятности*, что можно доказать на основе следующих двух примеров:

5) *C'est bien une maison mais elle est d sagr able* (Это действительно дом, но он неприятный);

6) ? *C'est bien une maison mais elle est agr able* (Это действительно дом, но он приятный).

Вопросительный знак перед (6) означает необходимость выдвигать специфическую гипотезу о ситуации, приведшей к этому высказыванию, для того чтобы построить для него смысл¹¹: в данном случае говорящий (или другой участник коммуникации, точку зрения которого повторяют) заведомо отрицательно относится к домам (его «точка зрения» отрицательна). Тот факт, что нет необходимости строить специальную гипотезу о положительном отношении к домам, чтобы понять (5), досказывает, что эта «положительность» по умолчанию содержится в значении слова *maison*.

Этот пример показывает, как безобидные слова могут вводить точки зрения, которые входят в семантическое описание, но на которые наша интуиция не обращала внимания. Многочисленные аналогичные примеры подсказывают, что некоторые слова навязывают некую точку зрения о том, о чем мы говорим, когда употребляем их. Даже если точка зрения, выраженная в высказывании, отличается от той, которая заложена в лексике, в высказывании останутся лексикализованные следы этой, второй, точки зрения. Высказывание иногда может даже выражать точку зрения, прямо противоположную той, которая заложена в слове. Высказывания, реализующие следующее предложение:

7) *J'aime la canicule* (Я люблю жару)¹²,

обозначают положительное отношение к погодным условиям, обозначенным словом *canicule*, тем не менее данное слово содержит отрицательное отношение к этим по-

¹¹ Об эмпирической методике см. в п. 1.3.

¹² Слово *canicule* означает по-французски «чрезмерную жару» (*примеч. пер.*).

годным условиям¹³. Точки зрения, прямо выраженные в словах языка, *ограничивают*, не отождествляясь с ними, точки зрения, выраженные в высказываниях, в которых они употребляются. Таким образом, тот факт, что точки зрения, вводимые словами в высказывание, необязательно учитываются, более не является непреодолимой проблемой семантического описания.

В примере (7) мы столкнулись со словом *canicule*, имеющим определенную топическую характеристику: все высказывания, в которых оно употребляется, вводят отрицательную точку зрения на жару. (В нашем примере говорящий не принимает эту точку зрения, но она при этом не исчезает). Такие слова принято называть дисфоричными (*dysphorique*). И, наоборот, есть слова, как, например, прилагательное *honnête* (честный), систематически вводящие положительную точку зрения в высказывание. Их называют эйфоричными (*euphorique*). Так же как и в случае с дисфоричными словами, говорящий может не учитывать эту точку зрения, но она все равно присутствует в высказывании.

Эти явления связаны с другим любопытным феноменом: точка зрения на один объект влияет на то, под каким углом смотрят на другие вещи. Рекурсивную структуру точек зрения можно изобразить с помощью цепочки упорядоченных пар, где первый член обозначает сущность, о которой говорится, а второй – точку зрения на эту сущность. Если я вижу Y с точки зрения Z , а то, как я вижу X , зависит от того, как я вижу Y , тогда моя точка зрения Z повлияет также на то, как я вижу X . Согласно предложенной нами системе обозначения, запишем $\langle X, \langle Y, Z \rangle \rangle$. Данное свойство, в силу которого видение X может быть обусловленным видением Y , которое может зависеть от видения Z , могло бы породить неразрешимую цикличность, если бы оно систематически применялось во всем. Но у точек зрения есть и другая, более известная особенность: некоторые сущности воспринимаются положительно или отрицательно, при этом нет необходимости, даже возможности, прибегать к другим точкам зрения для того, чтобы построить или оправдать точку зрения на них. Речь идет об элементарных субъективных точках зрения, кото-

рые мы можем отображать с помощью примитивов (*хорошо* и *плохо*, или *хорош* / *плох*, или знаками + и –). Таким образом, мы получим упорядоченные пары, где первый член обозначает сущность, а второй – один из этих примитивов. Элементарную положительную точку зрения об X мы обозначим $\langle X, \text{хорошо} \rangle$ (или $\langle X, \text{хорош} \rangle$ $\langle X, + \rangle$, в зависимости от принятой системы обозначения).

Данная особенность элементарных субъективных точек зрения, которую можно назвать «субъективной редукцией», не позволяет выразить их свойства в виде логических операций и гарантирует, что цепочки точек зрения не бесконечны. Насколько нам известно, наблюдения показывают, что не встречаются цепочки, состоящие более, чем из трех пар: $\langle X, \langle Y, \langle Z, \text{хорошо} \rangle \rangle \rangle$.

3.2. *Скрепь*. Первые работы, в которых была выявлена топичность значений и проводилась попытка ее систематического учета, восходят к 1970-м гг. Введенное О. Дюкро и его школой понятие *аргументативного ориентира* для описания семантической роли коннекторов и операторов предвосхитило используемую в этой работе концепцию «точек зрения». В первых исследованиях (см., например работы [Ducrot, 1970; 1972; 1973; 1987]) коннекторы и операторы (которые мы здесь объединим термином *скрепы*, *articulateur*) описываются как *ограничения* на возможные аргументативные ориентиры высказываний тех предложений, в которых они содержатся. Эти ограничения относятся к элементам ситуации, связанной с каждым из возможных высказываний, реализующих данное предложение, но не зависят от этих элементов. Типичное описание скрепы (объединяющей члены M_1 и M_2 предложения P) выглядит следующим образом¹⁴:

а) если в ситуации S высказывание первого члена M_1 предложения P имеет аргументативный ориентир, характеризующийся $k_1, k_2, \dots, k_n$, тогда свойства высказывания M_2 в ситуации S , должны быть $k'_1, k'_2, \dots, k'_m$;

б) характеристики аргументативного ориентира высказывания, реализующие предложение P в ситуации S , являются $j_1, j_2, \dots, j_p$.

¹³ В таком случае говорится о парадоксальном высказывании.

¹⁴ Более подробное описание см. в работе [Bruxelles et al., 1987], в которой введено понятие *топоса* и ограничения на него.

Следуя данной (в то время имплицитной) схеме, мы дали описание коннектора *mais* (но), которое можно представить в упрощенном виде следующим образом.

В сегментах, имеющих форму $P = \cdot X \text{ mais } Y$:

а) в любой ситуации S , в которой P поддается интерпретации, любое высказывание Y имеет аргументативный ориентир O_2 , противопоставленный ориентиру O_1 , который высказывание X могло бы иметь в той же ситуации S ;

б) в любой ситуации S аргументативный ориентир O любого высказывания, реализующего предложение P в ситуации S , совпадает с аргументативным ориентиром O_2 , который высказывание Y имело бы в той же ситуации S .

Подчеркнем, что данное семантическое описание *mais* не терпит исключений и применимо ко всем сегментам французского языка, имеющим вид ' $X \text{ mais } Y$ '¹⁵. Устойчивость данного описания позволяет использовать структуру ' $X \text{ mais } Y$ ' как катализатор семантических свойств других языковых единиц, что мы и сделаем ниже.

3.3. *Идеология в словах*. В большинстве случаев определения идеологии, независимо от того, имплицитные они или эксплицитные, сами являются идеологическими: чаще всего идеологической считают точку зрения, которой сами не придерживаются. Если постараться включить это субъективное понятие в более широкий, объективно и четко определенный концепт, мы получим концепцию об идеологии, которая, как мы увидим, может при необходимости сводиться к понятию идеологии в субъективном, классическом смысле, но при этом соотноситься с лексикализованными точками зрения.

Мы назовем *идеологической*¹⁶ любую точку зрения, которую нужно принять для того, чтобы быть в состоянии понять некое высказывание¹⁷.

Сразу видно, что обычное определение идеологии – частный случай нашего, в ко-

тором сохраняются лишь те имплицитные точки зрения, которые использующий это понятие человек опровергает или ставит под сомнение (подробнее см.: [Chmelik, 2007]). Так, для большинства носителей французского языка, пример

8) *Max est homosexuel mais il n'est pas efféminé* (Макс – гомосексуалист, но он не женоподобный),

в котором имплицитно подразумевается, что гомосексуалисты обычно бывают женоподобными, воспринимается как идеологический. Наоборот, высказывания, реализующие предложение

9) *Cette nappe a été longtemps sale, mais maintenant elle est propre* (Эта скатерть долго была грязной, а теперь она чистая),

где имплицитные точки зрения принимаются всеми, обычно не считаются идеологическими, даже если для того, чтобы их понять, нужно принять указанные точки зрения – в данном случае тот факт, что нечто грязное само по себе не станет чистым по истечении некоторого времени.

Деидеологизированное понятие *идеологии* позволяет описать лексикализованные точки зрения как *идеологию, воплощенную самим языком*. Рассмотрим примеры (10)–(13) для того, чтобы показать, в чем данный подход полезен для семантического описания лексики. В высказываниях, реализующих предложение

10) *Dupond est sénateur mais il est honnête* (Дюпон – сенатор, но он честен),

простое вычисление позволяет определить аргументативный ориентир *слова языка sénateur* (сенатор), учитывая эйфоричный характер прилагательного *honnête* (честен)¹⁸ и предполагаемое аргументативное противопоставление скрепы *mais*¹⁹. Во всех высказываниях, реализующих это предложение, у слова *sénateur* аргументативный ориентир отрицательный. Отметим, что это рассуждение не распространяется на *слово*

¹⁵ Подобная «универсальность» не должна удивлять, поскольку речь идет о научном определении. Мы ведь не ждем исключений от ньютоновского закона о гравитации.

¹⁶ Написано курсивом, чтобы не путать с бытовым субъективным понятием идеологии.

¹⁷ Заметим, что согласно этому определению любая *идеологическая* точка зрения имплицитна, хотя не всякая имплицитная точка зрения – *идеологическая*.

¹⁸ См. п. 1.3.

¹⁹ См. выше, а также [Bruxelles, 1987] для подробного описания *mais* или [Racah, 1987] для подробного описания английской скрепы *but*.

языка *sénateur*. Дело в том, что высказывания, реализующие предложение

11) Dupond est sénateur mais il est malhonnête (Дюпон сенатор, но он нечестен),

в большинстве случаев не вызывают затруднений у адресатов и ведут к положительной характеристике аргументативного ориентира слова языка *sénateur*. Мы видели, семантическое описание языковых слов не зависит от ситуации, поэтому нельзя приписать слову языка *sénateur* точку зрения, которая бы зависела от ситуации.

В отличие от *sénateur* во французском языке XXI в. слово языка *politicien* (политик) должно быть описано с отрицательным аргументативным ориентиром, поскольку в высказывании

12) Dupond est politicien mais il est honnête (Дюпон политик, но он честен)

аргументативный ориентир слова языка *politicien* отрицателен, а в высказывании

13) ? Dupond est politicien mais il est malhonnête (Дюпон политик, но он нечестен),

ведущем к положительному аргументативному ориентиру языкового слова *politicien*, что вызывает затруднения при интерпретации²⁰. Слово языка *politicien* может реализоваться в словах речи с отрицательным ориентиром, но не в словах речи с положительным ориентиром, поэтому слову языка приписывается отрицательная лексикализованная точка зрения.

3.4. К систематическому описанию точки зрения в словарях. В статьях различных словарей наблюдается разительный контраст между частым упоминанием об имплицитных точках зрения, навязываемых словами, и отсутствием средств для их систематического описания. Например, в статье *riche* словарей *Robert Culturel* и *Petit Robert* содержится следующий пример:

«Un riche capitaliste => **Gros**»
богатый капиталист => **крупный**.

Как видим, пример не просто иллюстрирует определение, он его также дополняет. Лексикографу показалось нужным подчеркнуть семантическую связь между *riche* и *gros*, существующую между этими прилагательными тогда, когда они определяют существительное *capitaliste*. При этом эта связь, как и следовало ожидать, не вытекает из данных в словаре определений. Если лексикограф счел нужным упомянуть об этой связи, это означает, что он, должно быть, считает:

а) что она является существенной частью значения прилагательного *riche* (огромное количество других семантических связей не были упомянутыми); и

б) что предложенные им определения не достаточны для того, чтобы данная связь проявилась (можно было бы проиллюстрировать определение большим количеством примеров и цитат, но именно те, которые приведены, добавляют нечто определенное).

Таким образом, часть семантических характеристик определяемых в словарях слов, дана в систематическом виде, в определениях. Авторы упоминают о второй части лишь имплицитно, опираясь на интуицию читателей при чтении иллюстративных примеров. Тем не менее лексикографы рассматривают и первую, и вторую часть семантических характеристик как составные части определения, раз они их включают в статью.

Причины столь неравного отношения к двум группам характеристик кроются в отсутствии средств систематической формулировки топических ограничений на точку зрения. Теоретические, методологические и описательные средства, объединенные под названием «семантика точек зрения», нацелены на то, чтобы предоставить такие инструменты. Однако, как мы видели на примере *maison*, точка зрения, навязываемая словом языка, обычно не бросается в глаза, и хорошие определения неинтуитивны²¹. Поэтому нужно найти способ порождать описательные гипотезы и методы проверки этих гипотез.

²⁰ См. п. 1.3 о косвенном наблюдении над смыслом.

²¹ Это неудивительно: законы физики также неинтуитивны, хотя мы подвержены им постоянно.

4. Лингвистические тесты для описания лексики

Разработка методов проверки гипотез лексического описания стала предметом многочисленных исследований последних лет, был изобретен набор семантических тестов для опровержения неподходящих гипотез. Чтобы показать их полезность и функционирование, мы остановимся на двух примерах семантических тестов: подробно рассмотрим тест с использованием *donc* [Rascah, 2002], и менее детально – тест с использованием *parce que* [Chmelik, 2007].

4.1. Тест с помощью *donc*. Французское слово *donc* может употребляться в двух совершенно разных синтаксических конструкциях, и его роль в них различна. Оно может быть на стыке двух сегментов, каждый из которых представляет собой предложение. В таком случае оно выступает в роли коннектора (скрепы), например:

14) Jean est riche, donc il invitera Max à dîner (Жан богат, следовательно, он пригласит Макса на ужин).

Конструкции подобного типа лучше всего изучены (даже если это, возможно, не самый частый тип), в них *donc* участвует в своего рода рассуждении. На первый взгляд кажется (и это немного наивно), что это слово вводит отношение логического следствия²². Наивность этой точки зрения может быть смягчена, если ослабить указанную связь следующим образом (ОГ – описательная гипотеза):

ОГ₁: *Donc* означает, что следующий за ним сегмент является выражением аргументативного ориентира предшествующего сегмента.

Как мы говорили, *donc* выглядит как скрепа, но это обманчивое впечатление. Дело в том, что согласно приведенному определению нужно принять, что первый сегмент – высказывание (а не предложение, поскольку у предложений не бывает аргументативного ориентира). Таким образом,

donc такого типа не является скрепой в прямом смысле, поскольку соединяет не предложения²³.

В высказывании, содержащем *donc* в этой, напоминающей скрепу роли, утверждается таким образом, что его первый член используется в качестве аргумента для второго. Следовательно, высказывание, в котором первый член не выглядит аргументом в пользу второго, покажется странным. Высказывания, реализующие предложение

15) ? Jean est riche, donc la lune est pleine (Жан богат, следовательно, луна полная),

сложно интерпретировать, для этого придется выдумывать совершенно искусственные ситуации. С другой стороны, высказывание, в котором адресат не может себе представить, как первый член мог бы НЕ быть аргументом для второго, также покажется странным, тавтологическим. Если и так роль первого члена в качестве аргумента очевидна, зачем еще раз это подчеркивать? Таким образом, тогда как высказывания, реализующие предложение

16a) Jean est riche, il a de quoi vivre (Жан богат, у него есть на что жить),

кажутся понятными и не вызывают сомнения при интерпретации, высказывания

16б) ? Jean est riche, donc il a de quoi vivre (Жан богат, следовательно, у него есть, на что жить)

кажутся тавтологическими и могут быть приняты только в особых случаях.

В тех случаях, когда первый член – очевидным образом аргумент для второго, можно употреблять *donc* другого типа, не коннектор, а оператор глагольной синтагмы второго члена высказывания, *косвенный donc* (*donc indirect*) (см.: [Rascah, 2002]), используемый между вспомогательным глаголом и спрягаемым глаголом второго члена или, если вспомогательного глагола нет, между глаголом и дополнением. Так, мы получим высказывание

²² Даже если мораль требует, чтобы богатые приглашали менее богатых, не видно, почему богатство Жана может считаться достаточным условием, чтобы пригласить Макса, и нет ощущения, что говорящий (14) на этом настаивает.

²³ Более подробное исследование семиотической сути *donc* см. в работе [Rascah, 2002].

16в) Jean est riche, il a donc de quoi vivre (Жан богат, у него, разумеется, есть, на что жить),

в котором не ощущается тавтологического эффекта.

Таким образом, оба *donc* отличаются друг от друга следующим образом. Первый (квазиконнектор, прямой *donc*) указывает на то, что содержащее его высказывание *эксплицитно утверждает*, что первый член – аргумент для второго. Второй *donc* (косвенный *donc*) указывает на то, что содержащее его высказывание *имплицитно предполагает*, что первый член – аргумент для второго. Указанные свойства приводят к тому, что, когда второй член всего лишь эксплицирует аргументативный ориентир первого, используется косвенный *donc* без особых гипотез о ситуации, а когда второй член высказывания предъявляет аргументативный ориентир, выводимый из первого, но не содержащийся в нем, используется прямой *donc*.

Следовательно, когда выдвигается гипотеза о том, что некое слово языка M французского языка должно содержать точку зрения P_M , достаточно провести следующие действия, чтобы протестировать эту гипотезу:

а) построить предложение $S(M)$, содержащее M ;

б) построить формулу $F(P_M)$ на французском языке, где точка зрения, предположительно включенная в семантическое описание M , применяется к тому, о чем говорится в $S(M)$;

в) построить производное $F(donc_i, P_M)$ от $F(P_M)$, вставляя в нужное место косвенный *donc*;

г) проверить, понятны ли высказывания, реализующие $\Phi_1 = \langle S(M), \text{«donc» } F(P_M) \rangle$ и $\Phi_2 = \langle S(M), F(donc_i, P_M) \rangle$.

Из рассмотренных выше свойств обоих *donc* известно, что если высказывания, реализующие одно из этих сложных предложений, понятны без особых гипотез о ситуации, для понимания высказываний, реализующих другое предложение, понадобятся особые гипотезы. Имеются всего три варианта.

Случай 1 (благоприятный): если высказывания, реализующие Φ_1 , понятны только с помощью особых гипотез о ситуации, а высказывания Φ_2 понятны без таковых, это

значит, что предложенное описание P_M не противоречит наблюдениям и может быть сохранено.

Случай 2 (неблагоприятный): если высказывания, реализующие Φ_2 , понятны только с помощью особых гипотез о ситуации, а высказывания Φ_1 понятны без таковых, это значит, что предложенное описание P_M противоречит наблюдениям и не может быть сохранено.

Случай 3 (неблагоприятный): если высказывания, реализующие как Φ_1 , так и Φ_2 , понятны только с помощью особых гипотез о ситуации, это значит, что предложенное описание P_M противоречит наблюдениям и не может быть сохранено²⁴.

Чтобы лучше понять, как работает тест с помощью *donc*, рассмотрим его результаты в предложенной выше гипотезе топического описания французского слова *riche* (см. выше).

Мы собираемся проверить гипотезу, согласно которой французское слово *riche* вводит точку зрения ‘власть’²⁵, т. е. гипотезу о том, что семантическое описание слова *riche* должно содержать точку зрения о *возможности действовать*. Для этого нужно:

а) построить предложение, содержащее слово *riche*, например:

17а) Jean est riche (Жан богат);

б) построить формулу на французском языке, где точка зрения, предположительно включенная в семантическое описание слова *riche* (возможность действия), применяется к тому, о чем говорится в (17а), например:

17б) Il a de quoi vivre²⁶ (У него есть, на что жить);

²⁴ Случай 3 встречается тогда, когда предложенная для описания M точка зрения P_M не только не имеет отношения к семантическому описанию M , но к тому же не выводится из точек зрения, ассоциируемых с M . Такое возможно только при полном отсутствии интуиции того, что, выдвигает семантические гипотезы, что сложно себе представить, хотя возможно.

²⁵ В более общем виде данная точка зрения выражает ‘возможность действия’, а не только сферу политики.

²⁶ Предложенная здесь точка зрения использует лишь небольшую часть того потенциала, который дает точка зрения ‘власть’, но этого достаточно для того, чтобы проиллюстрировать, как работает тест. Читатель может сам попытаться применить более «богатое» предложение, дающее, например (18') Il a

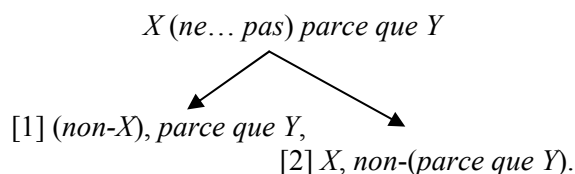
в) построить производное от (17б), вставляя в подходящее место косвенный *donc*:

17в) Il a donc de quoi vivre (У него, разумеется, есть, на что жить);

г) проверить, понятны ли высказывания, реализующие $\Phi_1 = \langle 17a, \text{«} \textit{donc} \text{»} \rangle$ (17б), т. е. (16б) и $\Phi_2 = \langle 17a, (17в) \rangle$, т. е. (16в)²⁷.

Результат теста показывает, как мы уже видели, что построенное с «прямым» *donc* предложение (16б) реализуется в высказываниях, которые нельзя понять, не прибегая к специальным гипотезам о ситуации, тогда как предложение (16в), построенное с применением косвенного *donc*, ведет к высказываниям, понятным без дополнительных предположений. Таким образом, можно сохранять гипотезу о том, что слово *riche* навязывает точку зрения ‘мощь’. Разумеется, можно подтверждать полученный результат, применяя тест ко многим примерам. Это не докажет окончательно, что гипотеза верна (таков суровый эмпирический закон). Если тест дает каждый раз положительный результат, можно заключить, что данную гипотезу трудно опровергнуть, и это позволяет принять ее, пока не будет доказано обратное.

4.2. Тест с помощью *parce que* (потому что) Опираясь на работы, опубликованные в 1975 г. [Ducrot et al., 1975], Е. Шмелик [Chmelik, 2007] предлагает описание *parce que*, учитывающее неоднозначность сложных предложений, содержащих *parce que* и отрицание *ne pas* в главном предложении. Вкратце описание указанной неоднозначности предложений с *ne... pas... parce que...* выглядит следующим образом:

les moyens d'inviter Max à dîner (Он может позволить себе пригласить Макса на ужин). Потом нужно заметить (17б) и (17в) соответствующими предложениями. Полученный тест приведет к аналогичным результатам.

²⁷ Напомним: (16а)? Jean est riche, donc il a de quoi vivre и (16б) Jean est riche, il a donc de quoi vivre.

Так,

18) Jean n'a pas chanté parce qu'il avait bu (Жан не пел, потому что он выпил / Жан пел не потому, что выпил)

может означать, что [1] Жан не пел, и причина тому – тот факт, что он выпил, или [2] что причина, из-за которой Жан пел, не в том, что он выпил. В первой интерпретации отрицается *X*, утверждается причинная связь между *Y* и отрицанием *X*-а. Во второй интерпретации утверждается *X* (а не его отрицание), отрицается причинная связь между *X* и *Y*.

Е. Шмелик отмечает, что данная двузначность несистематична: некоторые предложения, содержащие *parce que* и отрицание *ne pas* в главном предложении, немногочисленны и могут быть поняты только как [2]. В следующем примере, напоминающем один из тех, которых приводит Е. Шмелик, высказывания, реализующие предложение (19) Je n'estime pas Jean parce qu'il est honnête (Я не ценю Жана потому, что он честен / я ценю Жана не потому, что он честен), допускают только такую интерпретацию, согласно которой говорящий ценит Жана, и утверждает, что это не потому, что тот – честен, а по какой-то другой причине. Другая интерпретация, в которой говорящий утверждает, что не ценит Жана, и считает, что это происходит из-за того, что Жан честен, невозможна без построения очень специфических гипотез о ситуации. Столь странное явление (почему одни предложения неоднозначны, а другие нет) достойно того, чтобы попытаться дать ему объяснение.

Не углубляясь в подробное описание, данное Е. Шмелик для *parce que*, запомним, что высказывание, реализующее предложение [*B parce que A*] в ситуации *S* указывает на то, что в этой ситуации *S*

(i) говорящий согласен с *A*,

(ii) что он согласен с *B* и

(iii) что его высказывание *B* аргументативно мотивировано высказыванием *A*.

Когда возникает неоднозначность, она связана с тем, к чему относится отрицание, которое может

а) либо касаться только (ii), тогда *B* отрицается, *A* остается неизменным, но условие (iii) меняется, *B* заменяется на собствен-

ное отрицание: (iiiа) для говорящего высказывание не-*B* аргументативно мотивировано высказыванием *A*;

б) либо касаться только (iii), тогда *B* остается (высказывание ничего об *A* не говорит) и условие (iii) становится (iiiб) для говорящего высказывание *B* аргументативно не мотивировано высказыванием *A*.

В предложениях типа (19), реализующихся в высказываниях, допускающих только интерпретацию [2], если нет специфических гипотез о ситуации, отрицание касается (iii). Чтобы понять, почему такие предложения не двусмысленны, достаточно понять, из-за чего в высказываниях, реализующих их, либо *B* не может быть отрицаем, либо (iiiа) оказывается недопустимым. В случае с (19) нужно объяснить, почему говорящий либо не может отрицать, что он ценит Жана, либо почему он не может рассматривать факт честности Жана как причину не уважать его. В п. 3.1 мы видели, что французское слово *honnête* – эйфористично, т. е. все содержащие его высказывания вносят положительное в суждение о том, что обозначено существительным, которое определяется этим прилагательным: легко объяснить, почему говорящий не может считать факт честности Жана аргументом для того, чтобы его не уважать.

В целом, предложения, содержащие *parce que* при отрицании в главной предикативной части, перестают быть многозначными тогда, когда зависимая часть – неопровержимый аргумент в пользу не-отрицания главного предложения. Так бывает всегда, когда неотрицаемое главное предложение выражает точку зрения, лексикализованную в подчиненном предложении.

Из этих соображений и вытекает тест с помощью *parce que*. После того, как была выдвинута гипотеза о том, что некое слово языка *M* французского языка должно содержать точку зрения P_M , достаточно провести следующие действия, чтобы протестировать эту гипотезу:

а) построить предложение $S(M)$, содержащее *M*;

б) построить формулу $F(P_M)$ на французском языке, где точка зрения, предположительно включенная в семантическое описание *M*, применяется к тому, о чем говорится в $S(M)$;

в) построить отрицание $\sim F(P_M)$, от $F(P_M)$;

г) проверить, понятны ли высказывания, реализующие $\Phi = \sim F(P_M)$, «*parce que*» $S(M)$.

Если Φ не однозначно, гипотеза отклоняется: присутствие описываемого слова не вводит точку зрения, которую предполагалось описать. Если Φ реализуется в высказываниях, смысл которых позволяет сохранять не-отрицание $F(P_M)$, тестируемая гипотеза усилена: присутствие описываемого слова действительно вводит ту точку зрения, которую предполагалось описать²⁸.

5. Роль ФАС в порождении гипотез лексического описания

Описанные выше тесты с помощью *donc* и *parce que* являются частями механизма, позволяющего эмпирически опробовать варианты лексического описания. Существуют другие тесты, например, с помощью *pourtant*, *trop* и т. д., некоторые в настоящее время разрабатываются не только для французского, но также для английского, испанского, итальянского, венгерского языков. Их изобилие – благо, поскольку, как мы видели, у каждого теста свои специфические ограничения, и они не могут применяться ко всем словам. Наличие большого количества тестов увеличивает количество слов языка, топическое описание которых удастся проверить.

5.1. Почему нужно дополнить инструментарий и чем? Несмотря на то, что тесты способствуют увеличению эмпиричности семантики, позволяя сопоставить предложенные описания и опыт, этого мало, потому что у всех тестов есть одно слабое место: для того, чтобы к ним прибегать, нужно уже иметь описательную гипотезу (мы специально не обращали на это внимание, но тем не менее показали это в изложении тестов *donc* и *parce que*). Проблема в том, что кристаллизованные в словах языка точки зрения не очевидны. В случае с *riche*, в семантическом описании которого заложена точка зрения ‘мощь’, не так сложно об этом догадаться: этимология показывает, что *riche* восходит к индоевропейскому слову, давшему *riki* на франкском, *Reich* на немецком, *raja* на хинди... что, впрочем, ничего не доказывает, но дает интуитивный доступ к гипотезе о *могуществе*. К сожалению, такие

²⁸ Если все наблюдения верны, формально допустимый третий тип, при котором Φ однозначно и допускает только высказывания, смысл которых отрицает $F(P_M)$, не должен встречаться.

подспорья интуиции редки, и в общем случае точки зрения, закристаллизованные в лексических единицах одного языка, бывает сложно обнаружить, иногда они удивляют, как, например, *приятность* дома (см. п. 3.1). Именно этот недостаток призван восполнить ФАС с помощью следующей гипотезы:

Γ_1 : *если существенное количество говорящих ассоциирует слово В (ответ) со словом А (стимулом), это может означать, что имеется семантическая связь между А и В.*

В логическом смысле данная гипотеза довольно слабая (ведь мы говорим «может означать, что имеется», а не «непременно имеется» или «вероятно», или «часто»), но, как мы увидим, более сильная гипотеза может оказаться ложной, а с другой стороны, слабой гипотезы достаточно, чтобы позволить ФАС решить нашу задачу.

Тот факт, что одни и те же ассоциации встречаются у разных людей, может быть отнесен к влиянию культуры, но культурное влияние не обязательно коренится в свойствах языка: не все идеологии кристаллизовались в лексике. Если принять, что рекуррентные ментальные ассоциации появляются из-за культурных или идеологических ограничений (из-за влияния культуры и идеологии) и, учитывая, что не все последние, а только некоторые из них, коренятся в языке, тогда, наблюдая повторяющуюся ментальную ассоциацию, мы можем делать лишь вывод о наличии семантической связи между ассоциируемыми словами. Допустить гипотезу о том, что все рекуррентные ментальные ассоциации объясняются семантическими связями в языке между ассоциируемыми словами, означало бы согласиться с тем, что все идеологии, все культурные ограничения запечатлены в языке, что, очевидным образом, неверно.

Однако проблема стоит не на этапе *проверки* описательных гипотез, а на этапе их *порождения*. Так, даже если гипотеза Γ_1 не дает гарантий валидности основанных на ФАСе описательных гипотез, существование семантических тестов позволит восполнить этот недостаток – было бы что проверять. То, чего не хватало тестам, – именно то, что ФАС может дать – способ порождать гипотезы, не прибегая к интуиции, которой часто не хватает в этом случае.

Остается понять, как то, что дает словарь, а именно ассоциацию между одним

словом и списком других слов с коэффициентами частотности, может быть *превращено* в гипотезу об ассоциации между этим словом и точкой зрения. Для этого нам понадобится еще одна гипотеза:

Γ_2 : *среди причин, из-за которых говорящий ассоциирует слово А и слово В, есть похожесть точек зрения, связанных у говорящего с каждым из этих слов.*

И эта гипотеза слабая с логической точки зрения: похожесть точек зрения всего лишь одна из возможных причин, у нее нет особого статуса. Но она важна, потому что осуществляет (возможную) связь между (наблюдаемыми) ассоциациями и (не наблюдаемыми, но искомыми) точками зрения. Она достаточна, даже если слабая, поскольку на этом этапе идет поиск идей, а не убеждений. Следующая гипотеза:

Γ_3 : *в серии слов, отражающих аналогичные точки зрения, отдельно взятое слово может не позволять наблюдателю определить, какую точку зрения оно кристаллизует. Зато данная точка зрения становится видной тогда, когда слово берется не отдельно, а в относительно длинной серии.*

Эта гипотеза, наоборот, довольно сильная, и мы не пытались ее доказать. Данная рабочая гипотеза о наблюдаемости общих точек зрения в серии кажется простой, поскольку эти точки зрения как будто «бросаются в глаза». Но если учитывать тот факт, что точки зрения отдельно взятых слов нелегко определять, гипотеза Γ_3 остается удивительной, даже если пока подтверждалась по всем до сих пор просмотренным сериям²⁹. Как бы то ни было, в тех случаях, когда Γ_3 окажется ложной, единственным последствием будет отсутствие предложения для семантического описания, а не ложное описание.

5.2. Разработка методики. Прежде чем описать, как мы используем ФАС для порождения описательных гипотез о точках зрения в словах, которые он содержит, обратим внимание на используемую нами морфосемантическую гипотезу, которая может усилить эффективность нашей работы со словарем:

²⁹ Данная гипотеза пока не стала предметом изучения в когнитивной психологии. Нам кажется, что следовало бы этим заняться хотя бы для того, чтобы выяснить, в чем состоит этот «таинственный» серийный эффект.

Γ_4 : два однокоренных слова разделяют хотя бы одну точку зрения, характерную для данного корня.

Гипотеза Γ_4 также может казаться тривиальной, особенно если учесть, что точки зрения, проявляющиеся в словах, не обязательно те, которые используются в высказываниях³⁰. Напомним, что кажущаяся правдоподобность гипотезы не является достаточным аргументом для ее принятия. Однако в отличие от методологической гипотезы Γ_3 Γ_4 – гипотеза лингвистическая, и это означает, что ее можно доказать в рамках настоящего семантического исследования. Один из способов подкрепить Γ_4 как раз и состоит в том, чтобы показать, что те гипотезы о кристаллизованных в словах точках зрения, которые она позволяет порождать, выдерживают тесты, подобные тем, которые были представлены в п. 4. Пока именно так и случалось, но систематических исследований не проводилось, и, возможно, по ходу работы с ФАС нам придется отказаться от нее. К счастью, если окажется, что гипотеза Γ_4 – ложная, нужно будет отказаться не от всей методики, а лишь от вспомогательного ее элемента.

5.2.1. Для простых случаев достаточно четырех этапов. Механизм порождения вариантов описаний точек зрения с помощью ФАС можно представить следующим образом:

Пусть A – слово, фигурирующее в ФАС, для которого необходимо построить типичное описание. Производятся следующие операции.

1. Если ФАС содержит другие слова $A_1, A_2, \dots$ однокоренные A , списки ответов (с частотностью) присоединяют к ответам на стимул A (согласно гипотезе Γ_4); в полученном списке одинаковые ответы совмещаются, их частотность суммируется. Именно этот список используется для A .

2. В полученном списке убираются антонимы, гиперонимы, собственные имена и прочие слова, ассоциируемые с A по неясным причинам, не имеющим отношения к точке зрения. Гипотеза Γ_2 гласит, что если в A действительно закристаллизована точка

зрения, она останется заметной в списке реакций после удаления названных слов.

3. Объединяются однокоренные ответы, частотность их суммируется согласно гипотезе Γ_4 , например, *fatigue-fatigant* (утомительно-утомление).

4. То же самое производится с ответами, активизирующими одну и ту же точку зрения, как, например, *fatiguer-effort-peiner* (утомлять-усилие-утомлять). Существует опасение, что мы таким образом искажаем результаты (из-за субъективности суждения о *похожести точек зрения*), но это не проблема, поскольку мы всего лишь пытаемся породить гипотезу. Если в результате искажения порожденная таким образом гипотеза окажется ложной, она просто не пройдет описанные выше тесты.

Таким образом, получается список (C_4) слов с указанием их частотности, ассоциируемых с описываемым словом. Большая вероятность, что слова данного, ограниченного, списка ассоциировались со словом A по причине, связанной с единой точкой зрения (поскольку от слов, ассоциированных по другим причинам, мы уже избавились). Согласно гипотезе Γ_3 , если этот ограниченный список достаточно длинный, он подскажет точку зрения, которая могла оказаться незамеченной при наблюдении за отдельным словом. Этот список можно будет предложить для семантического описания A .

5.2.2. *Иллюстрация: простой случай.* Прежде чем перейти к следующим этапам нашей методики, необходимым тогда, когда полученного списка недостаточно для порождения семантического описания, остановимся на таком примере, для которого приведенных четырех этапов оказалось достаточно, а именно на семантическом описании слов *travailler / travail* (работать / работа).

В табл. 1 представим фрагмент ФАС для этих стимулов (данные с сайта *dictaverf.nsu*). Первая цифра указывает общее количество ответов, вторая – количество разных ответов в приведенном фрагменте. Ответы с частотностью 1 здесь не рассматривались.

Результат четырех этапов нашей методики (которые мы не будем приводить в деталях в силу их очевидности) представлены в табл. 2.

Почти четверть ассоциатов, полученных для стимулов *travail / travailler*, апеллируют

³⁰ Так, например, два высказывания, содержащие в одном прилагательное *честен*, а в другом *нечестен*, имеют противоположное значение, но выражают одну и ту же точку зрения.

Таблица 1

Ответы на стимулы *travail* и *travailler*
в ФАСе (прямой словарь)

	Stimulus	 Réponse
1	travailler	bosses, dur 70; argent 31; labeur 22; boulot, étudier 12; effort 10; faire, réfléchir 9; apprendre, dormir, emploi, vivre 8; bureau, glander 6; école, réviser, salaire, trimer 5; etc. (525, 158, 12, 104)
2	travail	labeur 45; boulot 41; argent 23; santé 22; dur 21; salaire 17; emploi, patrie 13; job 12; famille 11; devoir, repos, tâche 8; effort 7; bureau, contrainte, étude, maison, métier 5; acharné, difficulté, loisir, obligation, temps 4; besogne, corvée, devoirs, entreprise, famille, patrie, fatigue, livre, quotidien, vacances, vie 3; etc. (483, 162, 8, 107)

Таблица 2

Ответы на стимулы *travail* и *travailler*
после четырех этапов топического описания

	Stimulus	 Réponse
	travailler / travail	dur-labeur-effort-trimer-suer-fatigue-bûcher-corvée-crevant-fastidieux-peiner-torture-transpirer-souffrir <i>pondération</i> : 229 (96 + 133) sur 1008 <i>soit</i> : 23%

к точке зрения 'fatigue' (усталость), что становится очевидным, если рассматривать серию в целом. Поэтому мы можем остановиться на этом и предложить следующее семантическое описание:

O_(travail): использование слова *travail* или слова *travailler* приводит собеседников к тому, чтобы рассматривать обсуждаемую деятельность как источник усталости.

Предложенное описание можно протестировать с помощью семантических тестов, например, тестов с *donc* и *parce que*. Применяя тест с *donc*, мы наблюдаем следующее:

(20) Paul a beaucoup travaillé, il est donc fatigué (Поль много работал, он, разумеется, устал).

Данное предложение понятно, тогда как

(21) ? Paul a beaucoup travaillé, donc il est fatigué (Поль много работал, следовательно он устал)

выглядит тяжеловато. Создается впечатление, что говорящий пытается объяснить нечто непонятливому собеседнику. Наблюдаемая разница совпадает с тем, что тест с использованием *donc* предсказывает для адекватных семантических описаний. То же самое происходит и с тестом с использованием *parce que*:

(22) Paul n'est pas fatigué parce qu'il a beaucoup travaillé.

Данный пример не многозначен, его можно понять только как «Поль устал не

потому, что много работал...». Тест показывает отсутствие многозначности, что свидетельствует об адекватности семантического описания.

Таким образом, порожденное на базе ФАС описание $O_{(travail)}$ получает подтверждение в ходе семантических тестов³⁰.

5.2.3. Немного сложнее: топическая неоднозначность. В случае описания слов *travailler / travail* полученный после четырех этапов список S_4 был осмысленным, и точка зрения, которую он предлагал, очевидна. Но может статься, что по завершению четырех этапов единственная или преобладающая точка зрения не выявится. В этом случае нужно добавить еще один этап.

5. Объединение слов из списка по подгруппам, наводящим на одну и ту же точку зрения.

Коэффициенты частотности ответов могут показать, что несколько точек зрения конкурируют. В таком случае в семантическом описании слова появляется несколько точек зрения. Необходимо сформулировать и затем протестировать все значимые гипотезы.

Для иллюстрации этого случая применим описанную в п. 5.2.1. методику к слову *maison*. Получим список, фигурирующий в левом столбце табл. 3. В таком виде список не выявляет единой точки зрения, поэтому переходим к пятому этапу, после которого из табл. 4 можно выделить три точки зрения.

Соответствующие точки зрения можно записать следующим образом³¹:

O^1_{maison} использование слова *maison* приводит собеседников к тому, чтобы рассматривать место проживания как приятное;

³⁰ Мы настаиваем на том, что точка зрения 'усталость' связана именно со словом *travail*, а не с понятием 'работа'. Так, английское слово *work*, которое называет то же понятие, что и французское слово *travail*, не кристаллизует точку зрения 'усталость'.

³¹ Мы согласимся с читателем, справедливо возражающим, что предложенные формулировки неуклюжие, некрасивые и мало напоминают точки зрения. Однако нам нет нужды в том, чтобы красиво сформулировать точки зрения, или даже в том, чтобы формулировки точно подходили соответствующей точке зрения, главное, чтобы они отличались друг от друга и отсылали к этим точкам зрения, подобно тому как в химии от названия молекулы не требуется походить на саму молекулу.

Таблица 3

Стимул *maison* в ФАС (прямой словарь) после 4-х этапов топического описания*

Maison	
toit	93
appartement	43
foyer [*]	35
famille	32
habitation [*] , habitat [*]	30
jardin	22
immeuble	11
cocon [*]	9
abri [*]	9
villa [*]	9
chez soi [*]	7

* Из 500 ответов – 123 разных слова. Знаком «*» отмечены слова, не являющиеся стимулами.

Таблица 4

Результаты применения 5-го этапа топического описания

Maison	
foyer, famille, jardin, cocon, chez soi	105
toit, abri	102
appartement, immeuble, habitation, habitat, villa	93

O^2_{maison} использование слова *maison* приводит собеседников к тому, чтобы рассматривать место проживания как защиту;

O^3_{maison} использование слова *maison* приводит собеседников к тому, чтобы рассматривать место проживания как архитектурное сооружение.

Среди этих точек зрения мы узнаем и ту, которую нам пришлось признать за словом *maison* выше, при обсуждении примеров, несмотря на «интуитивные» возражения (п. 3.1).

5.3.4. Еще сложнее, еще один этап. Как мы видели, в случае описания слов *travailler / travail* полученный после четырех этапов список предлагал очевидную точку зрения. В случае с описанием слова *maison* пришлось перетасовать список, чтобы получить

несколько точек зрения (пятый этап). Но если списки, полученные после четвертого (пятого) этапа, слишком короткие, нет гарантии, что они позволят выделить характерные точки зрения. Как мы знаем, гипотеза Γ_3 применима только при относительно большой длине списка. Поэтому приходится прибегать к шестому этапу, позволяющему получить более длинный список ответов без искажения точки зрения, так, что нам в конце удастся получить достаточно длинный список, проявляющий определенную точку зрения. Опишем шестой этап в таком случае, когда приходится применять его сразу после четвертого, и приведем аргументы в пользу его применения.

6. Операции 1–4 проводятся на статьях обратного словаря для слов списка S_4 (результата четвертого этапа). Таким образом, выявляются главные стимулы, на которые даны ответы, аналогичные тем, что и анализируемое слово A . Прибавляя этот список к списку S_4 , получаем список S_6 слов с указанием частотности.

Полученный список S_6 содержит больше слов, чем S_4 . Нужно теперь доказать, что он не вводит точку зрения, несовместимую с A . Слово M из списка S_6 , не принадлежащее списку S_4 , по определению вызвало одно из слов X списка S_4 , при этом с высокой частотностью. С другой стороны, X также было вызвано словом A , с высокой частотностью. Согласно гипотезам Γ_1 и Γ_2 мы признаем, что может существовать в языке семантическая связь между A и X и между X и M и что одной из причин, побудивших респондента ассоциировать слово M со словом $Ч$ и слово $Ч$ со словом A , возможно, является сходство точек зрения, вызванных этими словами у респондента. Таким образом, точка зрения, введенная дополнительным списком слов в результате шестого этапа, аналогична исходной точке зрения. Поскольку список S_6 длиннее списка S_4 , точка зрения станет заметнее наблюдателю (согласно гипотезе Γ_3).

Тем не менее может случиться так, что список S_6 окажется разнородным и, как это было перед пятым этапом, он не подскажет в явном виде точку зрения, преобладающую над другими. Тогда придется дополнить шестой этап еще одним шагом, напоминающим пятый этап.

Для иллюстрации мы обратимся к слову *riche*, которое, как мы уже видели, вызывает точку зрения ‘мощь’. Тот факт, что мы уже знаем ответ, позволит нам проверить, как действует механизм.

В ФАС мы находим для стимула *riche* 497 ответов, среди которых 285 – это антонимы *pauvre* (бедный), 64 единичных реакции и 13 реакций, встречающихся лишь дважды. В результате у нас остается лишь небольшой набор реакций:

argent	72
célèbre	13
pouvoir, puissant	10
or	10
aisé	6

(497, 85, 2, 64)

Интуиция могла бы подсказать, что *золото* и *серебро* упрощают вещи и увеличивают возможность действовать. Но эта интуиция могла не прийти нам на ум, и мы остерегаемся интуиции (что необходимо в серьезном исследовании). Приступая к шестому этапу, мы увеличим список слов, ассоциирующихся с *riche*, что нам даст больше материала для выявления одной или нескольких точек зрения в соответствии с гипотезой Γ_3 , даже если придется пройти и пятый этап.

Шесть слов из списка, полученного после четырех этапов анализа *riche*, дают после обработки шесть таблиц из обратного словаря (приведенных в прил. 1), к которым можно добавить и статью из обратного словаря для *riche*. Получается около 90 слов с частотностью от 4 до 232. Наиболее часто встречающиеся слова в этих семи таблицах: *acheter, argent, capable, cher, diriger, facile, force, fort, fortune, gouverneur, gouvernement, l'or, million, ministre, payer, président, puissance, puissant, possible, sou, trésor, vouloir, volonté*.

Внимательный анализ полученной серии позволяет заметить, что эти слова распределяются по трем категориям: те, которые намекают на «возможность действовать» (*capable* способный, *facile* легко, *possible* возможный, но также *argent* деньги, *payer* платить, *sou* су...), те, которые намекают на «волю» (*vouloir* хотеть, *volonté* воля), и те,

которые намекают на идею «добиться исполнения» (*gouvernement* правительство, *président* президент, *diriger* править)³².

Мы констатируем, что больше 35 % ответов намекают на точку зрения ‘возможность действовать’, к которым можно прибавить и результаты точки зрения ‘добиться исполнения’, получаем в итоге больше 39 % для идеи ‘мощи’. Далеко позади, но также интересно проявляется идея ‘воля’, с результатом около 4 %. Остальные слова этого списка намекают на другие точки зрения, но с такой небольшой частотностью, что это не представляет интереса для наших целей.

Описанный нами механизм позволяет сформулировать гипотезу, согласно которой семантическое описание французского слова *riche* должно соотноситься с точкой зрения ‘мощь’. Именно такая гипотеза была с успехом проверена в качестве иллюстрации к тесту с *donc*.

³² Такая перегруппировка имеет право на существование потому, что она не исходит от респондентов (в таком случае нужно было бы ее эмпирически доказать): вопрос не в том, действительно ли респонденты объединяли слова таким образом, а в том, полезно ли такое сближение для решения интересующего нас вопроса, если мы основываемся на тех данных, которыми располагаем.

Процесс порождения топического описания слова с помощью ФАС может быть описан в следующей схеме (см. ниже).

Продолжение следует?

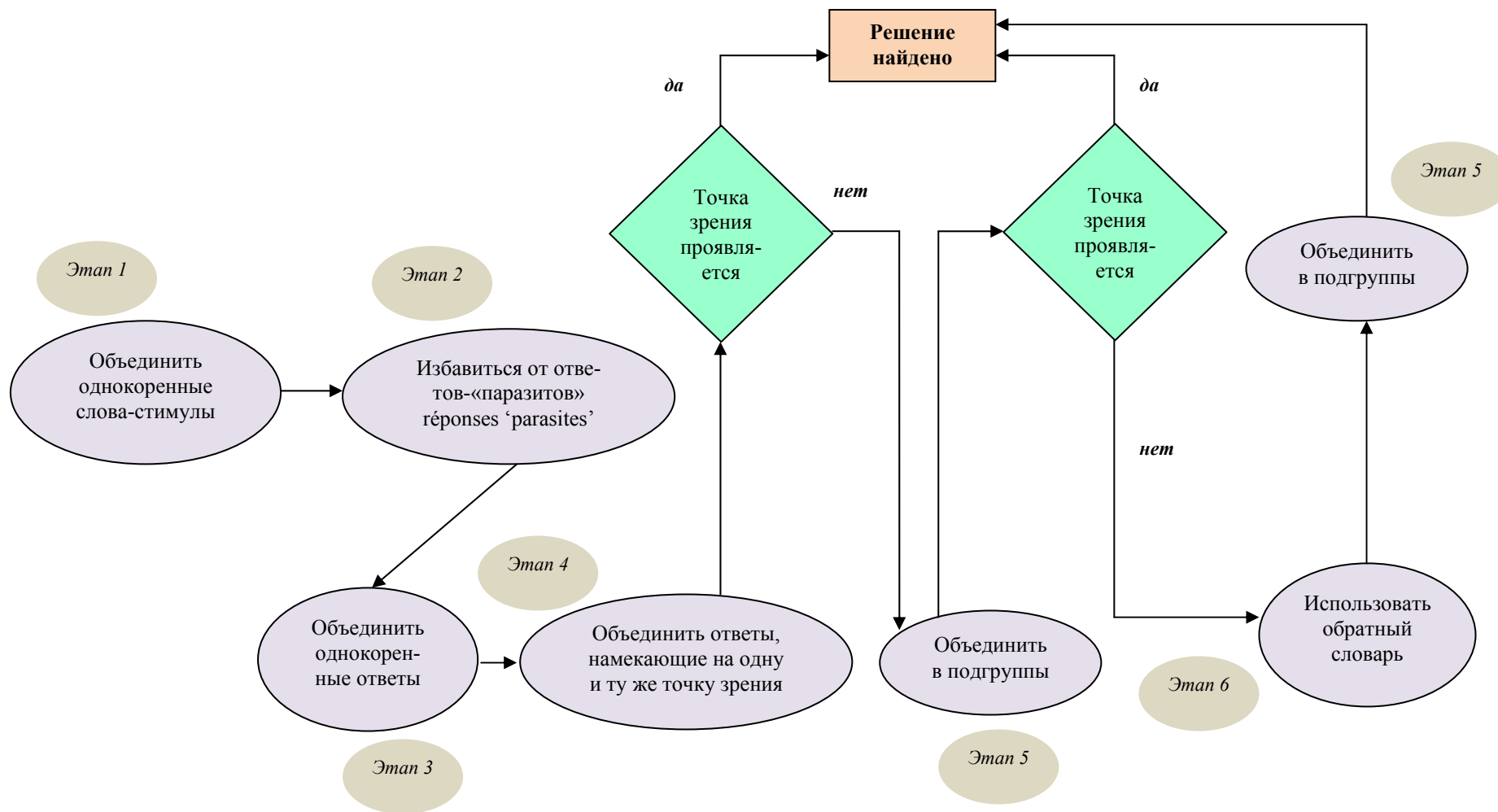
В гуманитарных и социальных науках роль интуиции всегда так или иначе находится в центре полемики, как внутренних споров (например, в случае несогласия между учеными по поводу интерпретации текста, речи, жанра речевого действия, типа языкового поведения), так и внешних, когда оспаривается валидность полученных результатов. Тем не менее необходимо признать, что, не прибегая к интуиции, практически невозможно получить доступ к интересующим нас феноменам. Это касается не только гуманитарных, но и всех эмпирических наук, говорящих о вещах невидимых, потому что они абстрактны. Например, желающий говорить о движениях маятника физик не может непосредственно наблюдать за движением, но лишь за совпадением положений, по которому он делает вывод о параметрах движения. Чтобы перейти от непосредственно наблюдаемых единиц, не интересующих нас, к тем, которые напрямую нас интересуют, приходится считать наблюдаемые феномены следами того, что

Таблица 5

ФАС (обратный словарь) стимулы, вызвавшие такие же реакции, что и стимул *riche* (после 6-го этапа топического описания)

<pouvoir faire>	1549	<volonté>	253	<pouvoir faire faire>	114
fortune	232	volonté, vouloir	198	gouverneur, gouvernement	35
sou	229	permettre	55	président	23
l'or	158			roi	17
trésor	141			ministre	10
payer	136			diriger	9
million	118			imposer	8
puissance, puissant, possible, pouvoir	133			empire	8
cher	80			prince	4
argent	75				
facile	56				
acheter	48				
moyen	13				
force, fort	68				
capable	62				

(из 4 317 ответов)

мы хотим исследовать. Данная операция состоит из установления причинно-следственной связи между двумя наблюдаемыми фактами. Такая специфическая причинная связь является актуализацией общей причинной связи между категориями, к которым принадлежат данные единицы. Очевидно, что то, как мы классифицируем единицы, и наша способность выявлять причинные связи играют решающую роль в этой мыслительной операции, не важно, идет ли речь о делении атома, секвенировании генов или семантическом описании слов некоего языка. У интуиции большое будущее еще впереди. В связи с этим вызывает удивление, почему именно в гуманитарных науках разгораются споры о роли интуиции. Для того чтобы это понять, нужно учитывать и тот факт, что, несмотря на приведенную выше аналогию, ситуация с гуманитарными науками отличается от той, которую мы видим в точных науках, что мы докажем на примере семантики.

1. Интуитивные знания о смысле высказывания, произведенного на знакомом языке, не кажутся наблюдателю плодом его интуиции, они воспринимаются им как очевидные. Впечатление очевидности настолько сильно, что даже те исследователи семантики, которые работают над материалом корпусов, очень редко задаются вопросом о том, что же поняли адресаты собранных в корпусе высказываний³³. Для наблюдателя, ослепленного прозрачностью своей интуиции, вне всякого сомнения, то, что он понял, и *есть* смысл высказывания. Сформулированное таким образом подобное ослепление кажется невероятным, и трудно поверить, что образованные взрослые люди не замечают вмешательство собственной интерпретации. Нельзя забыть, однако, что мы думаем *на* каком-то языке. Именно потому, что человек – взрослый и образованный, язык *должен* казаться ему мотивированным, по крайней мере в большинстве случаев. Такая мотивирующая сила интуиции в определенной степени присутствует и в точных науках – вспомним о сложностях в мире идей, вызванных противоречивыми очевидности утверждениями Галилея или Коперника. Эйнштейну же

пришлось вводить космологическую постоянную только для того, чтобы предложенное им уравнение не предсказывало бесконечное расширение вселенной, что он тогда интуитивно считал невозможным.

2. Точные науки жестко обращаются с интуицией³⁴, в физике к ней стараются не прибегать для построения гипотез, и ее совсем исключили из доказательств, даже если признают, что наблюдатель влияет на то, за чем он наблюдает. Такая позиция, если она и не всегда практиковалась, подкрепляется тем, что в этих науках интуиция относительно менее прозрачна. Поскольку объекты, о которых говорят ученые, сконструированы умом на основе непосредственного наблюдения, они считают необходимым и предварительным условием работы, чтобы экспериментально проверялись как сами объекты, так и отношения, предлагаемые теоретическими моделями для этих объектов. Так, ученый не может согласиться с тем, что высказывание *E*, реализующее предложение *P* в ситуации *S*, имеет смысл σ , если не предложить ему надежный эксперимент, позволяющий верифицировать это утверждение. И лишь после этого ему покажется интересным отыскать теоретическое описание тех элементов *P*, которые позволяют учесть то, с чем ему пришлось согласиться.

Именно для этого были созданы семантические тесты, позволяющие отклонить или принять присвоение слову той или иной точки зрения. Однако они ничем не помогают в тех случаях (а их много), когда интуиция ничего не подсказывает, потому что здесь нужна не та интуиция, к которой обычно прибегают лингвисты. Для того чтобы выйти из этого тупика, понадобилось средство формулировки гипотез описания лексики. Мы не ждем от него, чтобы все полученные гипотезы или даже большинство из них были верными. Мы лишь надеемся, что этот механизм позволит сформулировать как можно больше таких гипотез, чтобы восполнить недостаток в интуиции.

Ассоциативный словарь позволил нам построить алгоритм описания. В тех примерах, которые мы привели, этот механизм оправдал наши ожидания, что само по себе

³³ Сказанное не относится к тем из моих коллег, кто действительно задается этим вопросом (их мало, но они есть).

³⁴ Игра слов, основанная на том, что по-французски «точные науки» – «жесткие науки», *sciences dures*. (примеч. пер.)

уже хорошо. Мы можем утверждать, что неудач не было. Читатель может согласиться с этим высказыванием, однако для полной уверенности необходимо большое количество экспериментов, чего пока не было сделано. Мы также были готовы к тому, что алгоритм станет выдавать большое количество новых гипотез, которые не прошли бы дальнейшие тесты, и нас удивило, что все полученные гипотезы успешно их прошли. Кроме того, понадобится больше данных, чтобы сделать достоверный вывод, но если, удивительным образом, действительно подтвердится валидность всех гипотез, этому тоже нужно будет найти объяснение (оно, возможно, кроется во внимательном анализе гипотез Γ_1 – Γ_4).

Наконец, полученные данные позволяют предположить, что широкомасштабное апробирование предложенного алгоритма потребует расширения исходного списка стимулов ФАС, что в любом случае весьма желательно, учитывая ценность этого инструмента в лингвистике.

Список литературы

Bruxelles S. et al. Information et argumentation: l'expression de la conséquence // Actes du colloque. P.: Cognitiva, 1987.

Bruxelles S. et al. Argumentation et sémantique: le parti-pris du lexique // Énonciation et parti-pris / Eds. W. de Mulder, F. Schuerewegen, L. Tasmowski. Amsterdam; Atlanta; Rodopi, 1992

Chmelik E. L'idéologie dans les mots: contribution à une description topique du lexique justifiée par des tests sémantiques. Application à la langue hongroise // Thèse de doctorat, soutenue le 19 octobre 2007, à l'Université de Limoges (dir. Pierre-Yves Raccach). Publiée en ligne le 28 mars 2008.

Ducrot O. Dire et ne pas dire: principes de sémantique linguistique. P.: Hermann, 1972

Ducrot O. La preuve et le dire. Mame, 1973.

Ducrot O. et al. Car, parce que, puisque // Revue romane. 1975. Vol. 10 (2). P. 248–280 (Groupe λ -1).

Raccach P.-Y. Modelling Argumentation and Modelling with Argumentation // Argumentation. 1987. Vol. 4. P. 447–483.

Raccach P.-Y. L'argumentation sans la preuve: prendre son biais dans la langue // Cognition et Interaction. 1998a. Vol. 2, № 1–2.

Raccach P.-Y. ¿Porqué los bebés españoles son más ricos que los bebés franceses? // Quaderns de filologia. Estudis linguistics. 1998b. Vol. 3. P. 1–17.

Raccach P.-Y. Lexique et idéologie: les points de vue qui s'expriment avant qu'on ait parlé // Les facettes du dire: Hommage à Oswald Ducrot / Ed. by M. Carel. P.: Kimé, 2002. P. 242–268.

Raccach P.-Y. What Is an Empirical Theory of Linguistic Meaning a Theory of? // Diversity and Language Theory Studies in Language. Eds. Z. Frajzyngier et al. Companion Series. John Benjamins, 2005.

Raccach P.-Y. Polyphonie et argumentation: des discours à la langue (et retour...) // L'un et le multiple. Ed. by Zs. Simonffy. Tinta Könyvkiadó. Budapest, 2006.

Sperber D., Wilson D. Relevance. Communication and Cognition. Oxford, Blackwell Publishers Ltd., 1986.

Список словарей

Ассоциативный словарь французского языка. URL: <http://dictaverf.nsu.ru/dict>

Le Robert Culturel (2005)

Le Petit Robert (2006)

Материал поступил в редколлегию 14.04.2011

Приложение

Обработанные таблицы для обратного ФАС:
стимулы, соответствующие ответам на стимул *riche*

Argent

sou	229
l'or	150
fortune	137
payer	136
billet	116
dot	114
compte	103
valeur	100
million	95
coûter	74
riche	72
cher	57
intérêt	56
gagner	54
acheter	48
pièce	47
prix	46
miser	44
prêt	41
la somme	37
retirer	34
trésor	32
vendre	32
travailler	31
compter	30
affaire	29
prêter	24
travail	23
crise	22
pouvoir	18
placer	17
espèce	15
franc	15
moyen	13
intéresser	11
besoin	10
manquer	10
posséder	10
succès	10

(2415, 133)

Célèbre

riche	13
inconnu	5
personnage	4
devenir	3

(32,9)

Pouvoir, puissant

vouloir, volonté	198
puissance, puissant, possible	109
capable	62
permettre	55
gouverneur, gouvernement	35
force, fort	68
président	23
roi	17
savoir	16
argent	14
devoir	14
politique	12
falloir	11
riche	10
gloire	10
ministre	10
diriger	9
disposer	8
empire	8
imposer	8
lutte	8
avoir	7
dieu	6
oser	6
chef	5
sorcier	5
supérieur	5

(910, 131)

Or

trésor	99
argent	47
silence	29
briller	16
rare	16
valeur	16
fortune	15
chaîne	13
riche	10
jaune	7
cher	6
éclat	6
pur	4
franc	3
gloire	3
matière	3
pièce	3

(360, 55)

Aisé

facile	56
simple	8
riche	6

(77, 9)

Сокращенные таблицы для слова *riche***Riche (DAL-direct)**

argent	72
célèbre	13
pouvoir, puissant	10
or	10
aisé	6

(497, 85, 2, 64)

Riche (DAL-inverse)

fortune	80
million	23
cher	17
argent	14
occidentalisé	11
trésor	10
palais	9
l'or	8
puissant	6
occidental	4
prince	4

(523, 41)

P.-Y. Raccah

**DESCRIPTION SEMANTIQUE DU LEXIQUE:
UN MOYEN POUR SECONDER EFFICACEMENT L'INTUITION**

La sémantique des points de vue prévoit que la description sémantique des mots du lexique de chacune des langues comporte des contraintes sur les points de vue que l'usage de chaque mot oblige à adopter –même provisoirement– pour que l'énoncé ou le discours qui l'utilise ait une chance d'être compris. Ces contraintes, que l'on peut appeler « topiques », rendent compte de nombreux phénomènes de signification que les dictionnaires avaient fini par renoncer à décrire de manière systématique ; elles permettent aussi d'assurer un lien entre les phénomènes sémantiques et les phénomènes culturels et idéologiques. La sémantique des points de vue offre des moyens pour tester empiriquement les propositions de description de ces contraintes : les tests sémantiques. L'article précise le principe et le fonctionnement de ces tests, et propose quelques illustrations. Mais, jusqu'à présent, les hypothèses de description de ces contraintes topiques reposaient sur l'intuition des chercheurs, ce qui ne permettait pas d'envisager une description systématique du lexique. Le Dictionnaire des Associations Lexicales (DAL) permet de combler cette lacune en suggérant des points de vue associés aux mots stimulus. Cet article présente un dispositif utilisant le DAL pour générer des hypothèses de description topique, précise et justifie les hypothèses sur lesquelles ce dispositif s'appuie, et en décrit minutieusement les phases. L'idée générale consiste traiter les informations fournies par le DAL de manière à obtenir des liens entre mots, débarrassés d'une bonne partie des idiosyncrasies introduites par les réponses, et dont on peut faire l'hypothèse qu'ils reflètent des phénomènes de langue.

Mots clés: Sémantique lexical, points de vue, description empirique, expérimentation, tests sémantiques, génération d'hypothèses descriptive.